

Н. Ф. ДРОБЛЕНКОВА

По поводу жанровой природы «Слова о Вавилоне»

Исследуя соотношение между собой жанров в древнерусской литературе, Д. С. Лихачев пишет: «Соединение нескольких жанровых определений в названиях произведений указывает не только на колебания книжника — какое определение выбрать, но является иногда результатом того, что древнерусские произведения действительно соединяли в себе несколько жанров».¹ В заглавии древнейшего списка первоначальной редакции «Слова о Вавилоне» также дается двойное «жанровое» определение: «Слово о Вавилоне о трех отрок. Послание от Леукия царя, а во крещеньи нареченаго Василея, еже посла в Вавилон испытати зднамения у святых трех отрок Онаньи, Озарьи, Мисаила».² В данном случае жанровая природа памятника не представляет собой механического соединения, сочленения двух различных жанров.

Настоящая заметка посвящена анализу сложной жанровой структуры произведения, в котором различные жанры представляют органическое слияние.

Итак, в заглавии «Слова о Вавилоне» определяется, с одной стороны, как «слово», с другой стороны — как «послание». Однако ни то, ни другое определение не дает действительного представления о жанре памятника. Оба термина — и «слово», и «послание» — многозначны. Значение термина «слово» в древнерусской литературе было значительно шире, чем термин *λόγος* византийской литературы, распространенной и органически усвоенной на Руси с XI в. Возможно, что одним из значений его и в XIV—XV вв. продолжало оставаться то, которое имело место в литературе Киевской Руси XI—XII вв. и о котором писал И. П. Еремин («термином „слово“ обозначали именно речи торжественно эпидейктического типа»)³. Однако чаще всего, как указывает Д. С. Лихачев, под одним этим назва-

¹ Д. С. Лихачев. Поэтика древнерусской литературы. М.—Л., 1967, стр. 44.

² ГИМ, Музейное собр., № 2952. Цитаты приводятся главным образом по этому списку. Случай двойного определения жанра указаны в работах: Д. С. Лихачев. 1) Система литературных жанров древней Руси. — В кн.: Славянские литературы. Доклады советской делегации. V Международный съезд славистов. М., 1963, стр. 49; 2) Поэтика древнерусской литературы, стр. 43—44.

³ И. П. Еремин. Жанровая природа «Слова о полку Игореве». — В кн.: И. П. Еремин. Литература древней Руси. (Этюды и характеристики). М.—Л., 1966, стр. 150—151. О. В. Творогов в последнем комментарии к «Слову о полку Игореве» делает попытку дать сводное определение понятия «слово» в древнерусской литературе: «Слово — широко распространенный в древнерусской литературе термин, обозначающий ораторское, церковно-учительное произведение, текст, воспроизводящий или имитирующий обращение к кому-либо» (Слово о полку Игореве. Л., 1967 (Библиотека поэта. Большая серия), стр. 466).

нием могли находиться совершенно различные произведения (см., например, «Слово о полку Игореве», «Слово на антипасху» Кирилла Туровского и «Слово похвальное» инока Фомы).⁴

Н. А. Мещерский расширяет толкование термина «слово» (примерами из языка XI и XV вв.), полагая, что «слово» может означать «устное предание», «легенда».⁵

Уместно напомнить, что содержанием «Слова о Вавилоне» также является легенда, и, по-видимому, термин «слово» в его заглавии ближе всего к значению «устное предание-сказание», «легенда».

У нас нет оснований решительно сближать «Слово о Вавилоне» с памятниками политического красноречия, искать в нем приемов ораторской речи. Не следует считать признаками ораторской прозы и те черты в памятнике, которые усматривал в нем М. О. Скрипиль. М. О. Скрипиль отмечал в нем наличие трехчастной, строго продуманной и последовательно выдержанной композиции — со вступлением, «чисто повествовательной» частью и «логическим» заключением (хотя сам же отмечал, что фабуле «Слова» свойственны и «второстепенные ответвления») — и подчеркивал логическую завершенность изложения в «Слове»⁶ (в начале произведения греческий царь обещает стать поборником веры христианской, если его посланцы возьмут в Вавилоне «знамение»; в конце произведения специально введена реплика царя Давида, напоминающего греческому царю о своем обещании, — реплика, которая должна логически завершить изложенную в начале мысль).

Как увидим ниже, композиция «Слова о Вавилоне» значительно сложнее трехчастной: это композиция повествовательного произведения, в котором последовательно рассказывается о ходе посольства в Вавилон.

В «Слове о Вавилоне» отсутствуют также и характерные для ораторских речей прямые обращения к читателю или слушателю во вступлении и заключении.

Логическая продуманность изложения в памятнике (а она в нем очевидна) зависит от того, что это произведение публицистическое. Основная цель его (как отметил М. О. Скрипиль) — доказать равенство трех христианских стран: Руси, страны «Обеж» («Без») и Византии.⁷ С публицистической его направленностью связан и тот факт, что сюжетообразующую роль в «Слове о Вавилоне» играет фраза-надпись, составленная из трех частей, якобы написанных на трех языках для посланцев трех стран; в надписи этой указывается, как найти дорогу к венцам царя Навуходоносора. Эта фраза является «кульминационным пунктом» произведения (определение М. О. Скрипиля), в ней заложен логически последовательный порядок будущего развития действия. Надпись эта — образец ювелирной работы книжника. Она представляет собой единое, нерасчлененное предложение, первая часть которого написана для посланца-грека — «по-гречески» («Котораго человека бог принесет к лестнице»), вторая — «по-обезки» («Да лезет чрес змея без боязни»), третья — «по-русски» («Да идет с лестнице чрес псалты до часовнице»). Каждая часть фразы не может быть понята без двух других. Представитель каждой из трех хри-

⁴ Д. С. Лихачев. Поэтика древнерусской литературы, стр. 43.

⁵ Н. А. Мещерский. 1) К толкованию лексики «Слова о полку Игореве». — Ученые записки Ленингр. гос. ун-в., № 193, серия филологических наук, вып. 24, Л., 1956, стр. 4; 2) К изучению лексики и фразеологии «Слова о полку Игореве». — ТОДРА, т. XIV, М.—Л., 1958, стр. 43.

⁶ М. О. Скрипиль. Сказание о Вавилоне граде. — ТОДРА, т. IX, М.—Л., 1953, стр. 130, 132.

⁷ Там же, стр. 133—142.

стианских стран может прочесть лишь часть надписи, на своем языке; каждому из посланцев уготована своя миссия, определяемая политическими симпатиями автора.

Как видим, автор мастерски пользуется стилистическими приемами книжной речи.

Имена героев «Слова о Вавилоне» — еще не имена исторических лиц (как, например, в легендарной генеалогии «Сказания о князях Владимирских»), но каждое из этих имен выбрано не случайно, имеет определенный смысл, помогающий автору раскрыть политическую идею своей легенды — идею равенства трех христианских стран.

Имя «греческого» царя — «Ливуй, а во святом крещении Василий» — символ византийского царя вообще: Василий (βασιλεύς) в переводе с греческого языка означает «царь», «государь». Имя Левуй (Ливуй, Леукий, Алеуй) навеяно одним из популярнейших имен византийских императоров — Лев. И. Н. Жданов считал, что за этим именем стоит царь Лев VI Премудрый (Философ).⁸

Автор рассчитывал, что смысловое значение имен трех посланцев также будет понятно избранным читателям. Имя «русина» — Лавер, Лавр, и в соответствии с именем русский венчает дело, читает последнюю, третью часть надписи, которая указывает посланцам, где хранятся царские регалии. Имя «обежанина» — Яков — в переводе (с еврейского языка) означает «последняя (последующая) страна» или «следующий по пятам», что также соответствует роли, которая отведена в памятнике стране «Обеж»: именно «обежанин», возвращаясь из Вавилона, спотыкается и падает на змея, пробуждая его. Имя «гричина» — Гугрий, т. е. Георгий, Юрий. Ко времени создания «Слова о Вавилоне» (по мнению М. О. Скрипиля, оно было написано в первой половине XV в.)⁹ легенда о св. Георгии на Руси получила широкое распространение. Культ Георгия как покровителя земледельцев (γεωργός — в переводе «земледелец, землепашец») в конце XII—конце XV в. был широко распространен.¹⁰ Изображение Георгия на коне покоряющим змея (символ врагов христианства) стало гербом Московского государства (см. также гербовые печати великих московских князей). Имя Гугрий—Юрий, вероятно, навеяно этой популярной на Руси легендой о византийском св. Георгии.

Сюжет и главные герои «Слова о Вавилоне» — плод авторского вымысла; и хотя «Слово» претендует на историческую достоверность, совершенно очевидно, что это сочинение псевдоисторическое.

Создавая свою легенду, автор знал и использовал целый ряд легендарных источников: византийские легенды (в том числе и распространявшиеся, по-видимому, изустно), легенду о св. Георгии, легендарный сюжет апокрифического «Слова о Макарии Римском» и, наконец, мотивы русских народных сказок о мертвом городе и былин.

Отголоски одной из византийских легенд, отразившейся в «Слове о Вавилоне», как установил И. Н. Жданов, были известны на Руси с начала XIII в. из Хождения Антония Новгородского.¹¹ В ней рассказывалось о том, как для византийского царя «Кор-Лея» (Льва VI Премудрого)¹² в Вавилоне была взята грамота, предрекавшая будущих правителей Царь-

⁸ И. Н. Жданов. Русский былевой эпос. СПб., 1895, стр. 37.

⁹ М. О. Скрипиль. Сказание о Вавилоне граде, стр. 142.

¹⁰ В. Н. Лазарев. Новый памятник станковой живописи XII в. и образ Георгия-воина в византийском и древнерусском искусстве. — Византийский временник, т. VI, М., 1953, стр. 222.

¹¹ И. Н. Жданов. Русский былевой эпос, стр. 37.

¹² Там же, стр. 55.

града. Текст вавилонской грамоты в «Слове о Вавилоне» также содержит предсказание, что «греческий» царь Ливуй со своей царицей должен унаследовать знаки царской власти от царя Навуходоносора, который в христианской литературе был символом первой на земле неограниченной царской власти.¹³ Таким образом, по содержанию своему «Слово о Вавилоне» — легенда.¹⁴

Удается проследить текстологическую зависимость «Слова о Вавилоне» от апокрифического «Слова о Макарии Римском»: в апокрифе три монаха отправлялись в поход из Месопотамского монастыря, из земли «сурьстей»; в «Слове о Вавилоне» первым намерением «греческого» царя было отправить в Вавилон 3 человек ... роду сурьска» («Слово о Макарии Римском» было распространено на Руси с середины XIV в.).¹⁵ Автор «Слова о Вавилоне» как бы отталкивается от сюжетной канвы «Слова о Макарии Римском» (его первой части). В апокрифе повествуется о путешествии трех монахов в поисках рая, в «Слове о Вавилоне» — о походе трех «мужей» в поисках царских регалий. В «Слове о Вавилоне», так же как и в апокрифе, каждый из трех путешественников поименован (в апокрифе это Феофил, Сергей и Угинови), а пройденное ими расстояние измеряется днями.

Слагая новую легенду, автор «Слова о Вавилоне» свободно пользуется приемами русского народно-поэтического творчества. Повествование в «Слове» начинается в духе сказочных зачинов, загадочным отказом посланцев идти в Вавилон в том составе, в котором царь намеревался их послать. Побуждаемые неизвестными еще читателям соображениями, три человека сирийского «роду» просят послать в Вавилон непременно трех человек, владеющих тремя разными языками: «Они же рекоша: „Неподобно нам тамо ити, но пошли из Грек гричина, из Без обяжанина, из Руси русина“. И посла, яко хотяхут». Загадка с отказом находит объяснение лишь после того, как три путешественника оказываются перед лестницей, ведущей в Вавилон-град, на которой они должны прочесть надпись соответственно на трех языках: «по-греческы», «по-обезкы» и «по-русскы».

Последовательное развитие фабулы «Слова о Вавилоне» (еще полностью совпадающей с сюжетом) иногда задерживается введением второстепенных, додуманных автором ситуаций, написанных им по мотивам народных сказок и былин. Таков эпизод с описанием возвращения трех «мужей» из Вавилона. Спускающийся с лестницы «обежанин» запинается за 15-ю (!) ступень и падает на спящего, обвившегося вокруг города змея. Змей медленно пробуждается: «И вѣсташа на змеи чешуя акы волны морьскыя». Когда, пробравшись сквозь «былие», заросли и гадов, три «мужа» садятся на коней, раздается страшный свист змея, от которого они «быша акы мертвы». Змеинный свист долетает до стана царя Василия, расположенного за «15 днии» пути, и повергает замертво наземь, ослепляет все царское войско (ср. падение ниц от свиста Соловья-разбойника Владимира Красна Солнышка и его бояр). От свиста сказочно-былинного змея погибает бас-

¹³ Там же.

¹⁴ О том, что легенда — жанр и как жанр возникает из апокрифа, М. О. Скрипиль пишет в своей работе «Легендарно-политические сказания древней Руси» (Доклады и сообщения Филологического института Ленингр. гос. унив., вып. 2, Л., 1950, стр. 52), но это вопрос особый.

¹⁵ Этот апокриф внесен в индекс молитвенника митр. Киприана, см.: А. И. Никифоров. Минейные и проложные тексты апокрифа о Макарии Римском в славяно-русской письменности. — Известия Общества истории, археологии и этнографии при Казанск. унив., т. XXXII, Казань, 1922, вып. 2, стр. 166—167, 171; П. С. Тихонравов, Сочинения, т. I, М., 1898, прим. 73 на стр. 35.

нословное число царских «стад» — «яко до 3000». С помощью гиперболы, по мотивам сказок о мертвом городе воссоздана и картина опустевшего Вавилона, «полат» которого путники не видят сквозь дремучие заросли («И приидоша тамо и не видиша града: обросл бо бяше былием, яко не видити полаты»). Сказочная, единственная, еле заметная тропинка, протопанная эверем («путьц малаго звери хождение»), ведет к мертвому Вавилону-граду.

В «Слове о Вавилоне» органически сплетаются в изложении книжные приемы повествования с фольклорным приемом троичности: три «мужа», напоминающие в сцене возвращения трех богатырей, идут к трем вавилонским отрокам; три «слова» (на трех языках) в надписи на лестнице; трижды повторяется «глас свыше»; посланцы достигают Вавилона ровно через три недели, они испивают «по три чаши», а царь вознаграждает их дарами «по три перепера злата».

Как видим, по своему содержанию, стилю и приемам повествования «Слово о Вавилоне» ближе всего к легенде, легендарным сказаниям. Однако это еще не определяет полностью жанровой природы памятника.

Вторая часть заглавия памятника — «Послание от Леукия царя...» — связана с сюжетной схемой памятника и тоже не является его единственным жанровым определением. Из содержания памятника ясно, что «послание» не адекватно термину «послание-эпистола» и означает «посылание», «посылку», «посольство»: ¹⁶ «греческий» царь Василий отправляет посланцев за царскими регалиями («посла в Вавилон испытати зднамения...»).

Композиционная схема «Слова» полностью воспроизводит последовательность посольского церемониала. Повествование начинается обсуждением состава «посольства» между византийским царем и первоначально намеченными им к отправке тремя «человеки» христианского роду и «сурьскаго»; царь уступает встречному предложению послать представителей трех стран — Греции, «Обеж» и Руси. Некоторую часть пути царь сопровождает своих посланцев, подчеркивая тем самым важность, трудность и торжественность возложенной на них миссии. Он останавливается с войском, не доезжая до Вавилона, за 15 дней пути до него, и только здесь поверяет послам сокровенную, главную цель задуманного им «посольства» (следует традиционная речь-наказ послам): «Рече им царь Василий: „Аще будет зднамение святых zde, да не отлучюся от Ерусалима, но буду подобник вере хрестьяньстей и поборник на врагы иноверныя за род хрестьяньский“». Посланцы исполняют свою миссию, разгадывают, в чем состоит «знамение» трех вавилонских отроков, и захватывают вместе с венцами царя Навуходоносора и его царицы грамоту, предрекающую порядок наследования византийскими царями власти первых царей вселенной (текст грамоты приводится: «они же ... видиша грамоту, написано греческим языком: „Си венци створене бысть, егда Навходоносор царь створи тело златос и постави на поле Дирелмсте. И бяху бо венци те от камня самфира, измарагды и жемчюга великаго и злата аравита. Си венци створены бысть доселе, а ныни положена бысть и на царе богохранимом Василеи и царице блаженнии Александре молитвами святых трех отрок“»). «Послы» благополучно возвращаются и приветствуют царя Василия по всем правилам посольской церемонии: «... и пришедше, поклонившася цареви. И рад бысть царь и вси вои его. И сказавше ему по единому»

¹⁶ Такого значения слова «послание» «Словарь» Срезневского не дает, однако в том же значении (посланье—посольство) оно употребляется, например, в «статейном списке» посла Ф. А. Писемского (XVI в.): «... вы пришли ... от всликаго государя в посланье» (Путешествия русских послов XVI—XVII вв. М.—Л., 1954 (серия «Литературные памятники»), стр. 107).

(т. е. каждый посол поочередно). В торжественном приеме «послов» участвует патриарх; он читает привезенную «послами» грамоту и возлагает венцы Навуходоносора и его царицы на царя Ливуя — Василия и царицу Александру. «Послание» в Вавилон завершается описанием принятого в посольском обычае щедрого одаривания «послов» золотом и серебром, камением драгим и жемчугом; в связи с удачным завершением «посольства», «на радостях», царь посылает дары иерусалимскому патриарху. Отпуская своих посланцев в родные земли, царь обращается к ним с прощальной речью: «И рече им: „Поидета с миром, где суть отци ваши и матери и прославите бога и 3 отроки и царя Улевуя, а во крещеньи нареченнаго Василея“». Перед нами фактически рассказ о царском посольстве.

Однако посланцы царя нигде «послами» не называются, автор именует их «человеки», «мужи», царицы «дети». Цель их «посольства» первоначально больше напоминает миссию калик перехожих: они посланы «испытати зднамения» у гробов святых трех вавилонских отроков и руководствуются в своих поступках не дипломатическими соображениями, а указаниями «гласа свыше».

В повествование об этом «посольстве-хождении» вплетается стилистическая струя, восходящая к жанру «хождений», путешествий «ко святым местам». К XIV—XV вв. эти жанры (переводные и оригинальные «хождения», «путешествия», «странники», «путники», «проскинитарии», известные на Руси с XII в.) приобретают столь большую популярность, что в описании странствований начинает вырабатываться трафарет.¹⁷ «Слову о Вавилоне» присущ целый ряд таких трафаретов.

Пройденный путь в «Слове» постоянно исчисляется днями («ехали три неделе до Вавилона», «баше близ Вавилона за 15 дней», «греческий» царь «подошел бо баше за 15 дней. И отступиша от того места за 16 дний», «и настигоша царя за 16 дний»).

Для создания впечатления о реальности путешествия указываются число ступеней вавилонской лестницы («Бяшет бо лествица та 18 степеней, така бяшет толстота змея того») и число «великих» камней (20), которые посланцы выбирают для царя; называется ступень (15-я), о которую запнулся «обязанин».

Реальную картину древнего, покинутого жителями города создает упоминание об истлевших и рассыпающихся в прах при первом прикосновении одеждах («памфирах» — порфирах и «запонах») первых вавилонских царей, которые посланцы находят в «царевых полатах».

Зависимость от стиля «хождений» становится еще более очевидной в «Слове» при описании убранства христианской церкви и гробов трех вавилонских отроков. Именно здесь автор, начав повествование в третьем лице множественного числа, сбивается (вслед за трафаретом) на рассказ от лица очевидца: «Мы же вземше ис кубка того, быхом веселе. И воставше от сна мыслихом взяти кубок с вином и нести ко царю. И бысть нам глас от гроба в девятый час дни...». И тут же вновь переходит к изложению в третьем лице: «Они же ужасни быша велми. И бысть им глас второе».

«Слово о Вавилоне», как «послание» (в смысле «посольство») — его второе жанровое определение в заглавии, — хранит, кроме особенностей, присущих легендам, черты жанра «хождений» и будущих посольских «статейных списков». В нем можно проследить все основные части, все обязательные компоненты схемы изложения «посольских сказок», посоль-

¹⁷ В. В. Данилов. О жанровых особенностях древнерусских хождений. — ТОДРА, т. XVIII, М.—Л., 1962, стр. 24.

ских «статейных списков» и дневников, известных нам по более поздним материалам XVI—XVII вв.¹⁸ В «Слове» есть и тексты грамот, и речи послов к царю и царя к послам, и описание самого путешествия послов с обязательным повествованием от имени очевидцев (в 1-м лице), с описанием посольских церемоний и вручения им под конец даров.

Однако в изложении автор «Слова о Вавилоне» использует главным образом не стиль деловых памятников (хотя и стремится иногда к документальной точности рассказа и для убедительности приводит цифры), а стилистические приемы устного народно-поэтического творчества, легенд и жанра «хождений». В этом отношении «Слову о Вавилоне» близко другое произведение — «Сказание об Индийском царстве», вторая русская редакция которого была создана примерно в то же время, что и «Слово» (в конце XIV—начале XV в.).¹⁹ «Сказание об Индийском царстве», эпистола-«послание» индийского царя, оформлено в виде ответной посольской грамоты и является письменной частью дипломатического обмена послами между греческим и индийским царями. Однако автор его также почти не прибегает к документальному стилю посольских грамот. Этим оба памятника отличаются от памятников XVII в. — «Повести о двух посольствах», «Новой повести о преславном Российском царстве» и др., авторы которых используют не только формы деловой письменности (схемы построения деловых документов), но и ее документальный стиль.

Вымышленный легендарный сюжет (точнее, сюжет вымышленного легендарного посольства) создан в «Слове о Вавилоне» на основе схемы, по которой позднее будут строиться посольские «статейные списки».

Как видим, определенности в представлении о жанре памятника у автора «Слова о Вавилоне»²⁰ не было (см. двоякое название памятника в заглавии); да и сама жанровая природа произведения была сложной и не вполне определенной, совмещала в себе черты легендарного (псевдо-исторического) публицистического «сказания»,²¹ с одной стороны, и «посольской сказки» («статейного списка»), «хождения» — с другой. Соответственно этой сложной жанровой природе памятника в повествовании его органически сочетаются и различные стили: книжно-риторический, фольклорный и стиль жанра «хождений».

¹⁸ По материалам XVII в. посольские «статейные списки» исследованы в статье: М. Д. Каган. Повесть о двух посольствах — легендарно-политическое произведение начала XVII в. — ТОДРА, т. XI, М.—Л., 1955, стр. 222—226.

¹⁹ В. М. Истрин. Сказание об Индийском царстве. Исследование с тремя приложениями и фотографической таблицей. М., 1893, стр. 63.

²⁰ Д. С. Лихачев. Поэтика древнерусской литературы, стр. 44.

²¹ В середине XVI в. при включении «Слова о Вавилоне» в состав Великих Четьих Минеи Макария определение его как «слова» заменяется определением «сказание».